

ТЕАТРЪ И ЖИЗНЬ

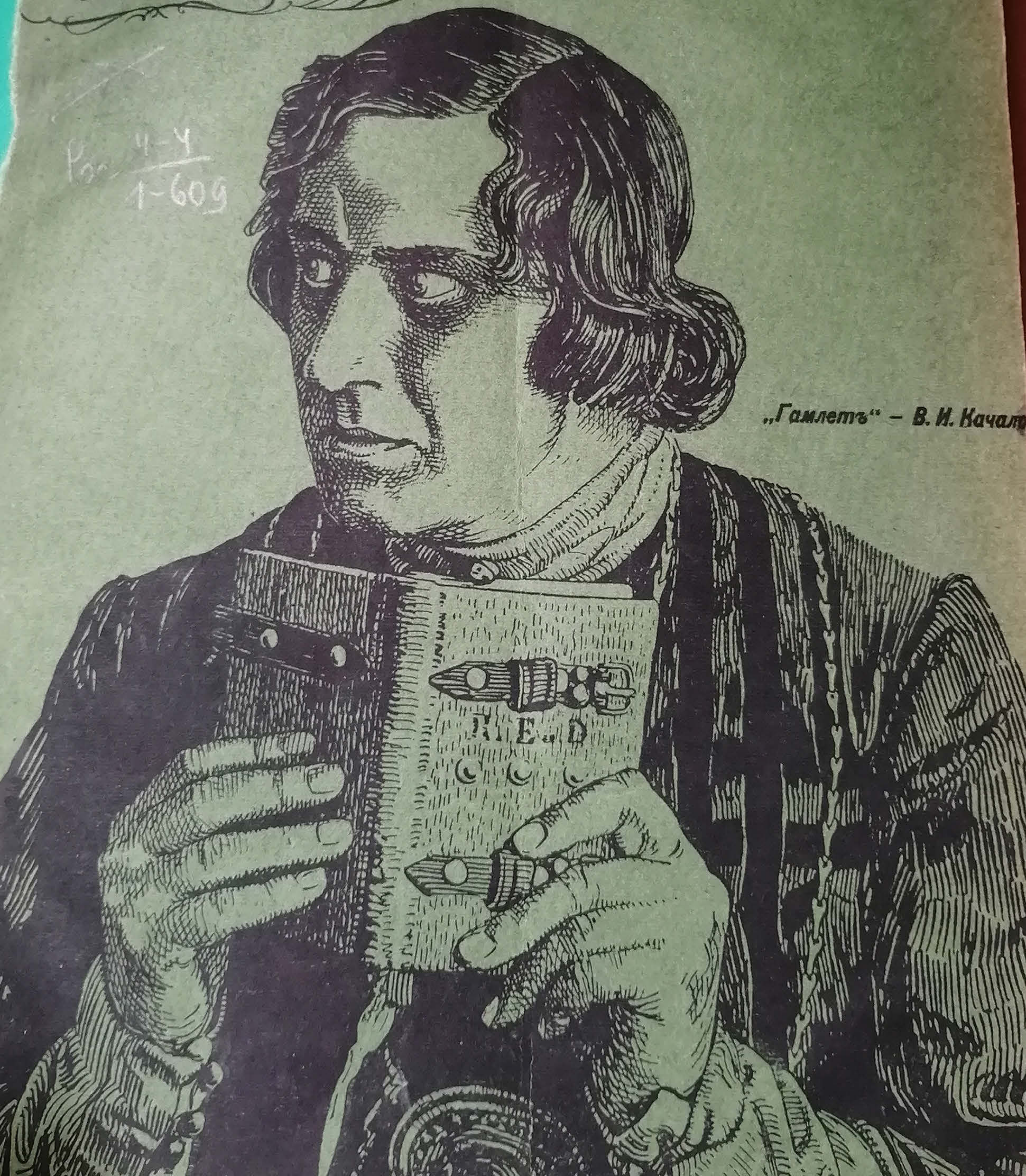
Theater und Leben.

Декатбрь 1921
Dezember 1921

Цѣна 10
Preis 10

№ 5 и 6

Роз. 4-4
1-609

„Гамлетъ“ — В. И. Качаловъ

Воспоминанія В. М. Качалова.

Съ удовольствіемъ подѣлюсь съ «Театромъ и Жизнью» нѣкоторыми воспоминаніями — изъ перекрѣпленнаго и испытаннаго за время нашихъ скитаній вѣкъ родины. Разскажу только факты, нѣкоторые, какіе вѣномнятся сейчасъ. Только факты безъ всякихъ выводовъ и обобщеній. Выводы сдѣлайте сами.

Ранняя весна 1920-го года. Вторая половина марта. Мы въ Черномъ морѣ, на громадномъ, переполненномъ итальянскомъ пароходѣ подходимъ къ Поті. Хотимъ высадиться, чтобы по желѣзной дорогѣ ѣхать въ Тифлисъ. Подошли. Паника среди пассажировъ: говорятъ Грузинская Респуб-

люди отнюдь не богатые: скромный старикъ-учитель, молодой врачъ, только начинающій практиковать, вдова убитого на войнѣ офицера, служащій въ какой-то конторѣ, бывший московскій адвокатъ, — вотъ кто были тѣ грузины, которые такъ сердечно насъ пріютили. Непрерывно сыпались вопросы, радовались, восклицали. «А гдѣ Станиславскій?»

— А какъ Пемировичъ-Данченко? Боже мой! Какъ у васъ шель «Цезарь»? — «Одинъ разъ видѣлъ, — на всю жизнь довольно» — говоритъ растроганный старикъ, грузинъ-учитель. «А я въ «Брандъ» съ вами игралъ, статистомъ былъ, коверъ передъ церковью разстилавъ». «Выпьемъ за великое

О. Л. Книпперъ-Гертруда, Н. О. Массалитиновъ-Король, „Гамлетъ“

лика никого, ни одного человѣка не впустить — изъ не грузинскихъ гражданъ. «Самимъ вѣтъ нечего и т. д.» И дѣйствительно вся пристань наполнена милиціонерами и еще какими-то чинами; поставлены рогатки и загородки. Будетъ проверка паспортовъ, и не имѣющій грузинскаго паспорта на берегъ не сойдетъ. Грустно. Куда-же намъ дѣваться? Мы «намѣтили» на Тифлисъ. Печально смотримъ сверху, съ надубы — на милиціонеровъ. Вдругъ нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ намъ улыбаться, мы слышимъ, какъ они называютъ наши фамиліи. Оказывается, большинство милиціонеровъ — бывшіе московскіе студенты, одинъ — московскій адвокатъ, — годами сидѣли на галеркѣ въ Художественномъ Театрѣ. Узнали насъ, радостно привѣтствуютъ. Конечно черезъ часъ мы были уже въ городѣ. Были-бы даже и раньше, но въ городѣ не сразу нашлось нужное количество извозчиковъ и телѣгъ для нашего багажа. Никому не позволили остановиться въ гостиницѣ, — всѣхъ развезли по квартирамъ, всѣхъ кормили, поили, какъ родныхъ, какъ самыхъ близкихъ друзей. Четыре дня мы пользовались самымъ широкимъ гостепріимствомъ, жили окруженные необычайной заботливостью, теплотой и лаской. И это были все

русское искусство!» — На четвертый день мы сѣли въ поездъ. Грузинское правительство прислало изъ Тифлиса отдельный вагонъ въ наше распоряженіе.

Мы въ Тифлисъ. Все то хорошее и трогательное, что мы встрѣтили въ Поті, здѣсь возросло соотвѣтственно размерамъ города. Я въ Тифлисъ впервые. Какой красоты городъ! Какъ было пріятно въ немъ и жить и работать. Насъ пугали, еще когда мы задумывали поѣздку въ Тифлисъ, — насъ пугали слухами о проснувшемся грузинскомъ шовинизмѣ: «Грузія для грузинъ, не надо намъ русской культуры, русскаго театра и т. д.» Слухи эти не оправдались. Не только никакой враждебности къ русскому, — наоборотъ огромное влеченіе, огромная тяга къ русской культурѣ, къ русскому искусству. Правда, возрождается старая грузинская культура, растетъ и крѣпнетъ новая. Стали выходить въ свѣтъ изданія старыхъ армянскихъ и грузинскихъ писателей, появились новые поэты. И грузинскій, и армянскій театры, послѣдніе годы какъ-будто захирѣвшіе, теперь стали возрождаться, но безъ всякой мысли — вытѣснить русскій театръ. И именно къ нашимъ спектаклямъ — наиболѣе

М. Н. Германова - Мамаева

„На всякаго мудреца довольно простоты“

трогательнымъ было отношеніе людей, причастныхъ къ театру, къ искусству вообще, къ литературѣ. Это мнѣ особенно хочется отмѣтить. Это было вездѣ, гдѣ мы играли. У грузинскихъ и армянскихъ актеровъ — у стариковъ и у молодежи — было отношеніе къ намъ, не смотря на сравнительную молодость нашей группы, — какъ къ старшимъ братьямъ, которые прошли лучшую школу и отъ которыхъ они могутъ многое взять. Ни канли какихъ-либо дурныхъ чувствъ, — самый живой интересъ и самое искреннее влеченіе къ нашему искусству.

Вотъ еще воспоминанье. Изъ Грузіи мы попадаемъ въ октябрѣ прошлаго года въ Болгарію. Подъѣзжаемъ къ Софіи. Ёдемъ въ теплушкѣ, такъ какъ приходится экономить, — денегъ мало. Заработанныя грузинскія боны — прожиты въ Тифлисѣ. Ёдемъ въ Софію — незванные и непрощенные. Ничего не знаемъ, — примутъ-ли насъ, сдадутъ-ли театръ и т. д. Слышали только, что режиссеромъ въ Национальномъ Театрѣ служитъ нашъ Дуванъ-Торцовъ. Поѣздъ нашъ пришелъ рано утромъ. Пустынный вокзалъ. Никто насъ не ждетъ, никто не встрѣчаетъ. Отвели нашу теплушку куда-то далеко отъ вокзала, на запасный путь. Берсенева съ Леопидовымъ поѣхали въ городъ на развѣдку, а мы сидѣли въ теплушкѣ, не разгружаемся, — можетъ быть и придется дальше ѣхать куда-нибудь искать счастья. Вдругъ видимъ — бѣгутъ по полотну желѣзной дороги какіе-то люди, манутъ руками и шляпами. Узнаемъ издали фигуру Дувана. Его обгоняютъ какіе-то бритые люди, молодые и пожилые, какія-то дамы. Это болгарскіе актеры. Узнаю среди нихъ — Кирова и Кошерову — бывшихъ въ Москвѣ въ нашемъ театрѣ учениками — лѣтъ 10—15 назадъ.

Радостная встрѣча со всѣми, объятія, поцѣлуи. Уже приготовлены извозчики, болгарскіе коллеги хватаютъ нашъ багажъ, насъ сажаютъ въ экипажи и везутъ по домамъ. Всѣхъ распредѣлили по частнымъ квартирамъ — у самихъ же актеровъ, или у ихъ родныхъ и друзей. Конечно и те-

атръ намъ предоставили, и мы вмѣсто предполагаемыхъ 10—12 спектаклей прожили въ Софіи больше 2-хъ мѣсяцевъ. Каждый нашъ спектакль — оркестръ наполнялся болгарскими артистами. Болгарскіе художники, поэты, музыканты — ми актерами. Болгарскіе артисты нашей публики, за ними вотъ кто составлялъ главный кадръ нашей публики, за ними шла остальная интеллигенція. Но именно братья наши по искусству создавали намъ успѣхъ въ публикѣ — своимъ горячимъ интересомъ, своимъ энтузіазмомъ. И такъ было вездѣ. И никогда не забудемъ мы этого отношенія къ намъ — со стороны болгарскихъ, сербскихъ, хорватскихъ, чешскихъ и вѣнскихъ товарищей по искусству.

Вотъ и еще воспоминанье. Мы играемъ въ Загребѣ. Прекрасный городъ, прекрасный театръ, чуткая, интеллигентная театральная публика. Дружба и тѣсное общеніе съ хорватскими актерами. Играемъ тамъ 4 мѣсяца съ небольшими перерывами. Наконецъ прощаніе съ Загребомъ. Спешимъ перерывами, читаются адреса отъ публики, на вся засыпана цвѣтами, читаются адреса отъ публики, мы подносимъ вѣнокъ хорватскимъ актерамъ, — спускаемъ его въ оркестръ, — особенно переполненный актерами этотъ послѣдній спектакль. На вокзалѣ громадная толпа провожающихъ, самыя трогательныя проявленія вниманія особенно со стороны актеровъ и такъ называемаго русскаго кружка, т. е. хорватовъ, изучающихъ русскій языкъ и русскую литературу. Ёдемъ въ Вѣну. Изъ Вѣны — черезъ мѣсяць въ Прагу. Поѣздъ проходитъ черезъ Загребъ и имѣетъ тамъ остановку больше часу. Подъѣзжаемъ къ Загребу — около 7-ми часовъ утра. Неужели хотъ кто-нибудь изъ Загребскихъ друзей встанетъ такъ рано и придетъ на вокзалъ? Большинство нашихъ спитъ, но кое-кто проснулся и смотритъ въ окна. Вдругъ радостно — удивленные восклицанія: «вставайте, господа, — смотрите — пришли!» — Полный перронъ народу. Весь русскій кружокъ, актеры драмы, оперные, опереточные, директора, режиссеры, театральные рабочіе, бутафоръ, парикмахеръ. Выскакиваемъ изъ вагона — радостныя объятія. Насъ ведутъ въ вокзалъ: стоятъ столы, уставленные всякими яствами, горячій кофе, вино, цвѣты. И каждому еще «индивидуальный» подарокъ съ собою въ вагонъ. Вспоминаемъ, рассказываемъ, смѣемся, умиляемся, не можемъ наговориться, — какъ самая тѣсная, самая дружная семья. Надо въ вагонъ, и трудно разстаться. У многихъ — и у нихъ, и у насъ блещутъ слезы на глазахъ, хорошія слезы, которыхъ мы не стыдимся. Прощайте, настоящіе друзья и братья по духу! Не забудемъ васъ!

И вся эта близость съ болгарскими, хорватскими, чешскими актерами создавалась при очень затрудненномъ способѣ общенія, при отсутствіи языка. Вѣдь мы больше объяснялись, особенно первое время, — мимикой, жестами, интонаціей. А уже со сцены, — словъ пьесы они совсѣмъ не понимали и принимали, «чувствомъ» и пьесы, и наше исполненіе — помимо словъ.

Когда въ Вѣнѣ — въ первый спектакль — мы играли, кажется «Трехъ сестеръ», — мы чуть-ли не впервые за этотъ годъ въ Европѣ — услышали дружные раскаты смѣха въ театрѣ. Это русская публика, которой набралось больше половины театра, реагировала на юморъ Чеховскихъ словъ. И конечно это было намъ очень пріятно. Но развѣ не пріятно и другое: — когда откликается душа публики, — не понимая словъ, — на самое искусство театра. Самыми яркими въ этомъ смыслѣ моментами — были спектакли, которые мы давали исключительно для актеровъ: одинъ былъ въ Вѣнѣ, другой на-дняхъ въ Берлинѣ. Какъ пріятно, какъ дорога эта напряженнѣйшая тишина театра; именно въ ней глубокое вниманіе — къ самому искусству театра, къ искусству актера...

В. И. Началовъ.